

Атлантический кризис и европеизация НАТО

Производители оружия готовятся к крупнейшему с конца второй мировой войны буму вооружений. По данным *Der Spiegel*, Германия потратит на перевооружение 3,5 % своего ВВП. Страна движется к удвоению военных расходов – шагу, который приведёт к глубоким изменениям в политических отношениях в Европе.

В интервью *Die Zeit* Франсуа Олланд говорит, что Германия навёрстывает упущенное на поле, традиционно принадлежавшем Франции. Однако, по словам бывшего французского президента, то, что раньше вызывало подозрения, сегодня воспринимается как должное. Фридрих Мерц приветствует предложенный Эммануэлем Макроном стратегический диалог о распространении защиты французского ядерного зонтика на Германию – что, безусловно, успокаивает Париж. Более того, немецкое перевооружение движется в рамках, заданных Еврокомиссией и единогласно одобренных Советом ЕС, несмотря на то что нынешнее соотношение национального и общеевропейского долга подчёркивает неблагоприятную фискальную ситуацию Франции.

Если немецкая оперативность и французское молчаливое согласие позволяют считать, что договорённость была достигнута заранее, то общеевропейское измерение объявленного в Берлине *«эпохального прорыва»* всё же ставит на повестку вопрос о политическом балансе сил. Это видно по форматам “5+1” (Франция, Германия, Польша, Италия, Испания плюс Великобритания), по франко-британской “коалиции желающих” по Украине, а также по недавнему франко-британо-германскому формату “ЕЗ” – попытке посредничества с Вашингтоном. Учитывая, что конкретные договорённости будут определяться именно политическими схватками, а не простой суммой или наложением форматов, любое разделение суверенитета между ключевыми странами постепенно закрепит немецкий рывок к перевооружению в совместных структурах принятия решений.

Одиночный обмен формулировками между Парижем и Берлином отсылает к прежнему формату европейских *сражений в оборонной сфере* – с их закономерностями, и прежде всего с трансформациями и скачками, происходившими в стратегические, переломные моменты в отношениях держав. С точки зрения Мерца, перевооружение Германии – это лишь *«первый большой шаг к созданию европейского оборонного сообщества»*, в которое также могут войти Великобритания и Норвегия. Макрон видит в “коалиции добровольцев” *«лабораторию для проверки того, как может функционировать европейская опора послетрамповского НАТО»*.

Семьдесят лет спустя Европейское оборонное сообщество (ЕОС) и НАТО будто бы снова вступают в состязание – но лишь на первый взгляд. Экономические и политические, а теперь и военные отношения между берегами Атлантики и по обе стороны Рейна коренным образом изменились. Кроме того, Брексит вновь изменил позицию Великобритании. Антонио Миссироли, старший советник ISPI¹ в Риме, до этого возглавлял отдел европейских исследований в CeSPI² – институте, основанном Джорджо Наполитано и впоследствии возглавляемом Мартой Дассу. Он также был научным сотрудником Европейского института исследований в области безопасности (EUISS) в Париже, которым руководила Николь Гнесотто. Будучи политическим советником Европейской комиссии и заместителем генерального секретаря НАТО, Миссироли был близок к процессу становления оборонной политики ЕС в 2000-х годах. В своей книге 2024 года “Оборона Европы” он прослеживает “параллельные жизни” европейской обороны и Атлантического альянса, давая современную картину их правовых отношений. Пути двух систем разошлись в 1950-х годах, после провала ЕОС и вступления Германии в НАТО, но после воссоединения Германии встретились вновь.

Заклучив в 1947 году Дюнкеркский договор, Франция и Англия обезопасили себя от возможной германской угрозы и годом позже вместе со странами Бенилюкса образовали Западноевропейский союз. Фактически этот союз будет интегрирован в НАТО, но Соединённые Штаты, заинтересованные в развитии немецкой промышленности, навяжут европейцам более гибкую и не открыто антибоннскую формулировку коллективной обороны. Франция попыталась, с помощью плана Плевена, ограничить германское перевооружение рамками исключительно европейской армии, которая должна была действовать параллельно с НАТО. Однако Альянс одобрил этот проект лишь при условии его подчинения собственному Верховному командованию. Париж был вынужден подчиниться американскому видению германского вопроса. Проект ЕОС был отвергнут во Франции –

прежде всего голлистами, отстаивавшими национальный военный суверенитет, но также и теми, кто выступал против германского перевооружения, которое, как писал тогдашний главный редактор *Le Monde* Юбер Бове-Мери, содержалось «как зародыш в яйце» в американских планах возрождения Европы.

Гнесотто, вице-президент Института Делора, отвергает упреки в адрес Парижа в том, что тот якобы лишил тогда Европу политического измерения, обрекая её следовать экономистскому пути Общего рынка. Гнесотто была членом комиссии по подготовке Белой книги по обороне Франции, в 1980-х годах работала в аналитическом центре Министерства иностранных дел, а в 1990-х годах руководила Институтом исследований безопасности Западноевропейского союза, позднее EUISS. В своей книге *“L'Europe: changer ou périr”* она подчёркивает, что проект ЕОС по сути не мог выйти за рамки реалистичной концепции «европейского столпа» НАТО – с учётом соотношения сил в то время.

С её точки зрения, последовательная оппозиция Шарля де Голля содержала в себе идею построения Европы как «рычага Архимеда» для усиления французской мощи – Европы, задуманной в голлистском духе, на основе государств. Елисейский договор 1963 года между Парижем и Бонном должен был стать его зародышем, несмотря на «убийственную» атлантистскую преамбулу, навязанную Бундестагом Конраду Аденауэру. Борьба между «атлантистской Европой» и «европейской Европой», как предсказывал де Голль, будет продолжаться десятилетиями. Сегодня, по мнению Гнесотто, непредсказуемость Дональда Трампа, ослабляя первую, открывает путь к возможному рывку второй. Одним из вопросов, требующих анализа, являются пропорции *евроатлантистских* отношений, изменившиеся в результате перевооружения и резких проявлений американского упадка.

1960-е годы стали ареной *второго сражения*, кульминацией которого стал выход Франции из военных структур НАТО. После провала в Суэце и потери Алжира Париж обзавёлся собственным ядерным оружием. По мнению французского историка Жана-Батиста Дюроселя, именно окончание Алжирской войны позволило генералу сосредоточиться на внешней политике Франции. Столкновение с *атлантистским сообществом*, поддерживаемым администрацией Кеннеди, стало неизбежным. Ключевыми источниками по этой теме остаются биография Жана Монне, написанная Франсуа Дюшеном, и мемуары Джорджа Болла – заместителя госсекретаря США при Джоне Кеннеди.

Во времена президентства Эйзенхауэра США приняли решение «вовлечь» как Европейский экономический союз, так и Японию – страны, восстанавливавшиеся после войны. С подачи Джорджа Болла и советника Госдепартамента Роберта Боуи, связанного с “проконсулом” по Германии Джоном Макклоем, в Вашингтон поступили предложения Жана Монне о создании «равноправного партнёрства» между США и объединённой Европой. Это партнёрство должно было опираться на две «опоры» Атлантического союза – равные, за исключением ядерного компонента. Для Монне это был способ получить своего рода «лицензию» на развитие ЕЭС в сотрудничестве с Соединёнными Штатами. Он понимал, что реальное равенство потребует времени, но рассчитывал использовать опасения администрации Кеннеди перед возможной изоляцией Америки от «экономических чудес» Старого Света. Болл, в свою очередь, отмечал: если бы европейцам не предложили условия равноправия, они продолжили бы воспринимать трансатлантическое сотрудничество как «уловку янки» – способ использовать их в качестве маневренной массы. Главным препятствием оставалось европейское «чувство неполноценности». Американские “атлантисты” опасались, что объединённая Европа может не поддержать политику США – но, по мнению Болла, эти страхи были преждевременны и являлись не более чем «наивным воскрешением» призрака некой «третьей силы» в Европе. Главная задача, по его мнению, – это прочно привязать Германию к Западу.

С точки зрения Монне *партнёрство* представляло собой необходимую рамку для развития Европы. Для де Голля же оно было лишь хрупкой маской американской гегемонии. Монне никогда не признавался, что является автором “преамбулы” 1963 года, его биограф причисляет его к яростным сторонникам «альтернативного ответа де Голлю» – идеи создания Многосторонней ядерной силы НАТО, которая должна была «поглотить» французские и британские силы ядерного сдерживания. Эти предложения обсуждались в Вашингтоне ещё в 1957 году, а в 1962 году были закреплены соглашением в Нассау. Взамен предлагалась система консультаций в рамках Альянса – практически провокация против

идеи трёхсторонней «директории» Вашингтон–Лондон–Париж, которую генерал продвигал ещё в 1958 году. По мнению Франсуа Дюшена, это была целенаправленная стратегия: не допустить, чтобы Франция расколола Запад, и одновременно усилить американское влияние в Европе – в том числе через вступление Великобритании в ЕЭС. Французский историк Жан-Батист Дюросель называет 1963 год «годом кризиса трансатлантических отношений».

Очевидно, что сегодня источник кризиса сместился на противоположный берег Атлантики. Это меняет и подход к европейской «опоре». В послевоенный период отношения между США и ялтинской Европой не могли быть равноправными по объективным причинам, и именно поэтому концепция «двух опор» могла иметь специфическое политическое значение – как в диаметрально противоположных, но в итоге сходящихся трактовках Болла и Монне. С изменением баланса сил после объединения Германии, распада ялтинского порядка и создания Европейского союза, трансатлантическая взаимность, напротив, становится предметом реального политического торга. Сегодня Вашингтон сам ставит под сомнение американскую опору, и европеизация НАТО, если и служит цели сохранить возможность договориться о равноправных отношениях в Альянсе, то делает это, используя трамповский разрыв в качестве рычага. Исторический путь лишь подтверждает то, что мы описывали как «смелую ставку».

Представление о поступательном, оторванном от соотношения сил развитии европейского проекта должно быть отвергнуто, иначе невозможно просчитать задержки и неудачи, вызванные американской реакцией. Как пишет Миссироли, в «телеграмме Бартоломью» 1991 года США открыто выступили против создания «европейского кокуса в НАТО» и наложили формат Сил быстрого реагирования Альянса на инициативу Коля и Миттерана по созданию Еврокорпуса на базе франко-германской бригады. Саммит в Брюсселе в 1994 году формально принял идею «европейской опоры», однако интервенция НАТО в Боснии на деле показала безусловное доминирование американской военной машины, от которой невозможно было отмахнуться.

Европейская оборона заложила промышленный фундамент для будущего углубления сотрудничества и приобрела политическую индивидуальность в лице представителя по вопросам общей внешней и оборонной политики, учреждённого Амстердамским договором. Но миссия НАТО в Албании в 1997 году оказалась ещё одной «упущенной возможностью». Мадлен Олбрайт отвечает на попытки военной автономии тремя «Д»: против дискриминации, дублирования и отделения (*decoupling*) от американской системы. США заявляют о своём «праве отказать» европейцам в доступе к ресурсам Альянса в каждом конкретном случае и разыгрывают «турецкую карту», молчаливо поощряя вето Анкары против европейской позиции.

Поразительно, насколько кризис 2003 года совпал с ключевыми шагами в области европейской обороны – и как те досе, которые были «заморожены» из-за американского вторжения, сегодня вновь оказываются в центре внимания. Тогда Европейский конституционный конвент под руководством Валери Жискара д'Эстена обсуждал оборонные вопросы в специальной рабочей группе, возглавляемой Мишелем Барнье, с целью обеспечить «возможность принятия решений» независимо от НАТО. Первая европейская миссия в Боснии – операция «Альтеа» – заменила миссию Альянса. Ключевым моментом стало соглашение «Берлин плюс» 2003 года, позволившее использовать инфраструктуру НАТО в интересах европейских оперативных групп – «отделимых, но не отделённых». Именно в тот момент, когда эти договорённости, казалось, могли вдохнуть новую жизнь в общую оборону Европы, она эффектно раскололась из-за войны в Ираке, отмечает Миссироли.

По мнению французской дипломатии, пишет *El País*, истоки сегодняшней европеизации НАТО можно найти именно в тех механизмах, опробованных на Балканах, и в соглашениях «Берлин плюс». По мнению Миссироли, консультации по созданию «коалиции желающих» – это фактически пробная площадка – даже помимо реальных возможностей развёртывания сил на Украине. Именно так, «лаборатория» во французском понимании.

Что касается расширения атомного зонтика, то посол Экхард Любкемайер из берлинского SWP³ в пространном эссе в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* предлагает включить прямое упоминание о ядерном варианте в пункт о взаимной военной помощи франко-германского

Ахенского договора 1990 года. Карл-Хайнц Камп из DGAP, Немецкого общества внешней политики, на тех же страницах пишет, что Германия могла бы совместно финансировать развитие британского и французского арсеналов, чтобы сформировать расширенные европейские силы ядерного сдерживания, не нарушая при этом обязательные для Берлина договоры, ДНЯО и “2+4” 1990 года. Таким образом, формула “Е3” в контексте Украины начинает обретать очертания ядра европейских держав, обладающих либо ядерным оружием, либо существенными финансовыми ресурсами.

Борьба с *атлантическим кризисом* требует рывка в европейской внешней политике.

Апрель 2025 г.

---

¹ - Институт исследований международной политики.

² - Центр исследований международной политики.

³ - Немецкий институт международных отношений и безопасности.